

Из прошлого

ЗАБЫТОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА „ИСПОВЕДЬ СТИХОТВОРЦА“

М. Цявловский

Священник. Кто ты, мой сын?

Стихотворец. Отец, я бедный однодворец.
Сперва подъячий был, а ныне стихотворец.
Довольно в целый год бумаги исчертил;
Пришел покаяться — я много нагрешил.

Священник. Поближе. Наперед скажи мне откровенно,
Намерен ли себя исправить непременно?

Стихотворец. Отец, я духом слаб, не смею слова дать.

Священник. Старался ль ты закон господний соблюдать
И, кроме высшего, не чтить другого бога?

Стихотворец. Ах, с этой стороны я грешен очень много:
Мне богом было — я, любви предметом — я,
В я заключался и братья и друзья,
Лишь я был мой и царь, закон и обладатель;
А что всего тошней, лишь я был мой читатель.

Священник. Вторую заповедь исполнил ли, мой сын?

Стихотворец. Кумиров у меня бывало не один:
Любил я золото и знатым преклонялся,
Во всякой песенке Глафирами пленялся,
Которых от роду, хотя и не видал,
Но тем не менее безбожно обожал.

Священник. А имя божие?

Стихотворец. Когда не доставало
Иль рифмы иль стопы, то, признаюсь, бывало,
И имя божие вклею в упрямый стих.

Священник. А часто-ль?

Стихотворец. Да во всех элегиях моих;
Там можешь, батюшка, прочесть на каждой строчке
«Увы!» и «се!» и «ах!», «мой бог!» тире да точки.

Священник. Не хорошо, мой сын! А чтить ли ты родных?

Стихотворец. Не много! Да к тому ж не знаю вовсе их, —
Зато своих я чад люблю и чту душою.

Священник. Как время проводил?

И кроме высшего не чтить другого бога?

- Стихотворец. Я летом и зимою
 Пять дней пишу, пишу, — печатаю в шестой,
 Чтоб с горем пополам насытиться в седьмой
 А в церковь некогда: в передней Глазунова
 Я по три жду часа с лакеями Графова.
- Священник. Убийцей не был ли?
- Стихотворец. Ах, этому греху
 Отец, причастен я; покаюсь на духу.
 Приятель мой Дамон лежал при смерти болен.
 Я навестил его; он очень был доволен;
 Желая бедному страдальцу угодить,
 Я оду стал ему торжественно твердить.
 И что же? Бедный друг! Он со строфы начал
 Поморщился, кряхтел и... умер.
- Священник. Не похвальное.
 Но вот уж грех прямой: ведь ты прелюбодей!
 Твои стихи...
- Стихотворец. Всё лгут, а на душе моей
 Ей-богу, я греха такого не имею;
 По моде лишний грех взвалил себе на шею.
 А правду вымолвить — я сущий Эпиктет,
 Воды не замутить, предобренький поэт.
- Священник. Да, лгать не хорошо. Скажи мне бога ради:
 Соблюл-ли заповедь хоть эту: не укради?
- Стихотворец. Ах, батюшка, грешон! Я краду иногда!
 (К тому приучены все наши господа)
 Слово из Коцебу, стих целый из Вольтера,
 И даже у своих; не надобно примера.
 Да как же без того беднякам нам писать?
 Как мало своего — придется занимать.
- Священник. Не хорошо, мой сын, на счет чужой лениться,
 Советую тебе скорее отучиться
 От этого греха. На друга своего
 Не доносил ли ты и ложного чего?
- Стихотворец. Лукавый соблазнил. Я малый не богатый —
 За деньги написал посланье длинновато,
 В котором Мевия усердно утешал —
 Он, батюшка, жену недавно потерял —
 Я публике донес, что бедный горько тужит,
 А он от радости молебны богу служит.
- Священник. Вперед не затевай, мой сын, таких проказ.
 Завидовал ли ты?
- Стихотворец. Завидовал не раз,
 Греха не утаю, — богатому соседу,
 Хоть не ослу его, но жирному обеду
 И бронзе, деревням и рыжей четверне,
 Которых не иметь мне даже и во сне.
 Завидовал кушпу, беспечному монаху,
 Глушцу, заснувшему без мыслей и без страху
 И, словом, всякому, кто только не поэт.
- Священник. Худо го за собой не знаешь больше?

Стихотворец.

Нет.

Во всем покался; греха не вспомню боле,
Я вечно трезво жил, постился поневоле
И ближним выгоду не раз я доставлял:
Частенько одами несчастных усыплял.

Священник. Послушай же теперь полезного совета:

Будь добрый человек из грешного поэта.

Среди многочисленных стихотворений, ходивших в рукописных сборниках в качестве произведений Пушкина, имеется выше напечатанное стихотворение, чаще называемое «Исповедь бедного стихотворца». Первые как стихотворение Пушкина оно было напечатано А. И. Герценом в «Полярной звезде» на 1859 год. Затем через 22 года гр. Е. А. Салиас снова напечатал стихотворение в своем журнале, тоже называвшемся «Полярная звезда» (1881 г., № 1). Здесь в заметке «От редакции» сказано, что текст этот взят «из альбома, переполненного стихами и прозой многих русских литераторов. Альбом этот наполнился в пятидесятых годах литератором-дилетантом».

Некто, скрывшийся под псевдонимом А. С—кий, подвергнув разбору в «Историческом вестнике» (1881 г., № 4) это стихотворение, доказывал, что оно не может принадлежать Пушкину, как слишком для него слабая вещь. Доказательства С—кого чрезвычайно наивны. Так, например, он утверждал, что «сколько известно, Пушкин никогда не употреблял прилагательных и причастий в усеченной форме». Это более чем странное заявление как-то даже неловко опровергать. Кто же из читавших Пушкина не знает, что не только в лицейский период его творчества, но и позднее усеченные формы прилагательных — обычное явление в стихах Пушкина? И тем не менее аргументы С—кого против авторства Пушкина показались столь убедительными, что ни один из редакторов сочинений Пушкина не ввел этого стихотворения в собрание его сочинений.

Для нас решающим моментом в вопросе, Пушкин ли автор этого стихотворения, является тот факт, что текст стихотворения записан С. А. Соболевским среди других четырнадцати несомненных стихотворений Пушкина, в свое

время не напечатанных. Товарищ в 1818—1821 гг. брата поэта Льва Сергеевича по «Благородному пансиону» при петербургском Педагогическом институте, тогда же подружившийся и с А. С. Пушкиным, С. А. Соболевский, принимавший участие в затевавшемся в 1818 г. поэтом издании сборника его стихотворений, хорошо мог знать творчество Пушкина лицейского периода¹⁾.

Тема стихотворения — сатирическое изображение бездарного поэта — одна из излюбленных тем Пушкина-лицеиста. Будучи весьма старого литературного происхождения, тема эта могла быть подсказана и окружавшей юного поэта обстановкой. Многие из его товарищей (Илличевский, Дельвиг, Кюхельбекер, Яковлев, Корсаков, Юдин) писали стихами и прозой; в лицее издавались рукописные журналы, составлялись рукописные сборники, и вообще атмосфера этого учебного заведения, как никогда и нигде, была насыщена литературными интересами. Среди лицеистов-писателей особое место занимал Кюхельбекер — предмет постоянных насмешек товарищей. Предание говорит, что именно Кюхельбекер выведен в лице поэта в стихотворении «К другу-стихотворцу». Это первым появившееся в печати стихотворение Пушкина как раз и является самым близким и по теме и по форме к «Исповеди стихотворца». Оба стихотворения написаны шестистопным ямбом. Этим размером, кроме «К другу-стихотворцу», написано еще шесть лицейских стихотворений Пушкина: «Осгар», «Лицинию», «На возвращение государя», «Безверие», «К ней», «К Жуковскому».

¹⁾ Кроме текста Соболевского и текстов в двух журналах «Полярная звезда», нам известны еще списки руки П. И. Бартечева, П. А. Ефремова и неизвестного в рукописном сборнике стихотворений Пушкина в Дашковском собрании. Указанные тексты имеют варианты, но мы их здесь не приводим.

Традиционную диалогическую форму стихотворения «К другу-стихотворцу» мы имеем и в «Исповеди», при чем в последнем стихотворении она подчеркивается обозначением собеседников. Мы легко допускаем, что пародия на исповедь в грехах против десяти заповедей — французского происхождения.

Пародия эта увеличивает число «вольтерьянских» высказываний Пушкина-лицеиста. Припомним признание Пушкина в «Городке»:

Но, боже, виноват.
Я каюсь пред тобою:
Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы;
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских переес,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю,

или уверение его, что будто бы он «ввек не мог выучить «Отче наш» и «Богородицу», или, наконец, комическую фигуру Панкратия в «Монахе».

Образ бездарного поэта то и дело мелькает в стихах Пушкина-лицеиста. Прототипами образа обычно являлись «беседисты» и особенно пресловутый гр. Д. И. Хвостов, под именем Свистова и Графова постоянная мишень для эпиграмм и пародий. У Пушкина Хвостов осмеян в целом ряде лицейских стихотворений¹⁾: «К другу-стихотворцу», «Городке», «Тени Баркова», «Моему Аристарху», «К Дельвигу».

Стихи «Исповеди»:

В передней Глазунова

Я по три часа жду с лакеями Графова
намекают на то, как Хвостов, издававший на собственный счет свои сочинения, будто бы посылал своих лакеев покупать их в лавке Глазунова. Безотносительно к Хвостову тема бездарного поэта развивается в ряде стихотворений. Не говоря уже об эпиграммах, в стихотворении «К другу-стихотворцу» говорится, что

Не тот поэт, кто рифмы плестя умеет,
И перьями скрыпя, бумаги не жалеет,
кто своими одами «тягчит журналы» и неделями сидит над экспромптами. В

1) И в позднейшие годы Пушкин не оставлял своим вниманием Хвостова. Вспомним хотя бы пародийную «Оду» 1825 г.

стихотворении «Батюшкову» («Философ резвый и прит») Клит в своих одах

Здравый смысл вверх дном поставил;
в стих. «А. И. Галичу»

Угрюмый рифмотор,
Повитый маком и крапивою,
Холодных од творец ретивый
На скучный лад сплетая вздор...

в «Городке» —

Кладбище обрели
На самой нижней полке
Все школьнически толки,
Лежащие в пыли:
Визгова сочиненья,
Глупова псалмопенья,
Известные творенья,
Увы, одним мышам;

в стихах «К Жуковскому» «беседисты»

Прозу и стихи отважно все куют...
Те слогом Никона печатают поему,
Одни славянских од громады громоздят.

Другие в бешеных трагедиях хрипят.

Их

Творенья смех уму,
И в тьме возникшие низвергнутся во тьму.

В том же стихотворении Пушкин так характеризует Тредьяковского и Сумарокова:

Один на груди сел и прозы и стихов,
Тяжелые плоды полуночных трудов,
Усопших од, поэм забвенные могилы!
С улыбкой, внемлет вой. стопосложитель-хильный:

Пред ним растерзанный стелает Телемах,
Железное перо скрыпит в его перстах
И тннет за собой гекзаметры сухие,
Спондеи жесткие и дактилы тугие.
Ретивой музкою прославленный певец.
Гордись ты — Мевия надутый образец.
Но кто другой, в дыму безумного куренья
Стоит среди толпы друзей непросвещенья.
Торжественной хвалы к нему несется шум:
Он, он под рифмою пограл и вкус я ум.
Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков.
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом
И с Пинда сброшенный и проклятый
Расием.

Из стихотворений послелицейских нельзя не отметить «Первого послания к цензору», где опять говорится о поэтах, которые сочиняют оду, «потая да кряхтя». Слова: «Лишь я был мой читатель» в «Исповеди» созвучны со стихом: «Хвостова, Буниной единственный читатель» в «Первом послании».

Кроме сходства тем, диалогической формы и одинакового размера, «Исповедь стихотворца» имеет со стихотворе-

нием «К другу стихотворцу» ряд сходных мотивов, выражений, рифм. «Мораль» обоих стихотворений — одна и та же, — бесполезность трудов бездарного поэта и противопоставление последнему «добрého» человека.

В «К другу-стихотворцу» читаем:

Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя
охоты,

Проводит тихий век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит.

«Исповедь стихотворца» кончается так:

Послушай же теперь полезного совета:
Будь добрый человек из грешного поэта.

Ту же мысль встречаем в стихотворении «К Батюшкову»:

Что Клит был добрый человек,
Тихонько проводил свой век,
Своим домком тихонько правил
И жил без горя, без забот,
Покамест не печатал од.

Мотив — бездарный поэт только портит бумагу — находим в обоих стихотворениях. В стихотворении «К другу-стихотворцу»:

Мой друг, не тот поэт, кто рифмы плестъ
умеет

И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.

В «Исповеди»:

Довольно в целый год бумаги исчертил.

Мотив — бедность поэта: «К другу-стихотворцу»:

Не так, любезный друг, писатели богаты,
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки;
Лачужка под землей, высоки чердаки, —
Вот пышны их дворцы, великолепны
залы...

Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камюэнс с нищими постелю разделяет.

«Исповедь»:

Я летом и зимою
Пять дней пишу, пишу, печатаю в шестой,
Чтоб с горем пополам насытиться в
седьмой.

В обоих стихотворениях фигурирует священник; и, наконец, находим две пары одинаковых рифм:

«К другу-стихотворцу»:

Творенья громкие Рифматова, Графова
О тяжелым Вибрусом гниют у Глазунова.

«Исповедь»:

А в церковь некогда: в передней Глазунова
Я по три жду часа с лакеями Графова.

«К другу-стихотворцу»:

Постойте, скажешь мне, — ведь я не од-
нодворец,
Могу я быть богат, хотя и стихотворец.¹⁾

«Исповедь»:

Кто ты, мой сын?
Отец, я бедный однодворец,
Сперва подъячий был, а ныне стихотворец.

Отметим еще ряд общих мотивов в «Исповеди стихотворца» и в лицейской поэзии Пушкина: таков мотив признания в версификационной беспомощности начинающего поэта.

«Моему Аристарху»:

Я знаю сам свои пороки,
Не нужны мне твои уроки.
Конечно, беден genius мой;
За рифмой часто холостой,
На зло законам сочетанья,
Бегут трехстопные толпой
На аю, а ет и на о й.
Еще немногие признанья:
Я ставлю (кто же без греха?)
Пустые часто восклицанья
И сряду плоских три стиха.

«Исповедь»:

Когда не доставало
Иль рифмы, иль стопы, то, признаюсь, бывало
И имя божие влеку в упрямый стих.

А часто ль?

Да во всех элегиях моих;
Там можешь, батюшка, прочесть на каждой
строчке

Увы! и се! и ах! мой бог! тире да
точки.

Мотив — усыпление и умерщвление чтением стихов — встречаем в «Горючке»:

Захочет — сладко спит на Рифмова скло-
нясь;

в «Пирующих студентах»:

Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне уснуть скорее.

В „Couplets“:

„Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet
.....
On dort, on baille en son mouchoir“²⁾.

«К Батюшкову»:

Скажи по милости Графону,
Ползком ползущу к Геликону
Чтоб перестал совсем писать
И бедных нас морить со скуки.

¹⁾ Стихи взяты из обнаруженного в архиве Горчакова автографа стихотворения «К другу-стихотворцу».

²⁾ «Когда поэт, горя экстазом,
Читает оду иль сонет,
.....
Мы спим, зеваем мы в платок».

«Исповедь»:

Я оду стал ему торжественно твердить,
И что же? Бедный друг! Он со строфы
начальной
Поморщился, кряхтел и умер.

и дальше:

Частенько одами несчастных усыплял.

«К Шишкову»:

Мечтательных Дорид и славил и бранил,
Иль дружбе плел венок, а дружество
зевало
И сонные стихи в просонках величало.

«Первое послание к цензору»:

Тот оду сочинит, потя да кряхтя,
Иной трагедию напишет нам шутя, —
До них нам дела нет, а ты читай, бесися,
Зевай, сто раз засни, а после подпишися.

Очень характерно для Пушкинца-лицейста упоминание Вольтера («Словцо из Коцебу, стих целый из Вольтера»¹⁾). «Всех боле перечитанный, всех более любимый», он очень часто встречается в стихах Пушкина. Многократно цитированные строки о Вольтере в лицейских стихотворениях с открытием в архиве Горчакова новых текстов пополнились обращением к Вольтеру в «Монахе» и большой тирадой о нем в стихотворении «К другу-стихотворцу».

Не менее характерно и упоминание Коцебу, пьесы которого в начале XIX в. пользовались огромной популярностью: о «коцебятине» пишет Пушкин А. А. Бестужеву 30 ноября 1825 г.

Стихи на тему о несоответствии действительности поэтическим вымыслам:

1) В тексте, напечатанном Салиасом, за этим стихом идет:

«А мысль у Байрона, а шутку из Мольера»
Не может быть никакого сомнения, что стих этот — позднейшая вставка переписчика. В лицейском стихотворении еще не может быть речи о Байроне.

Во всякой песенке Глафирами плевался,
Которых от роду, хотя и не видал,
Но тем не менее безбожно обожал.

и еще:

Ведь ты прелюбодей.
Твои стихи...

Всё лгут, а на душе моей,
Ей-богу, я греха такого не имею.
По моде лишний грех взвалил себе на шею.
А правду вымолвить — я сущий Эпиктет.

близки к стихам:

В холодных песенках любовью не пылал.
(«К другу-стихотворцу»)

и

Угодник Бахуса, я трезвый меж друзьями,
Бывало пел вино водяными стихами.
(«К Шишкову»).

Эпиктет упоминается Пушкиным в стих. 1819 г. «Стансы Толстому»:

И на лампаду Эпиктета
Златой Горациев фял.

Стихотворение, вероятно, 1820-х гг. «Десятая заповедь» является как бы развертыванием стихов «Исповеди»!

Завидовал не раз,
Греха не утаю, богатому соседу,
Хоть не ослу его, но жирному обеду...

«Рыжая четверня», которой завидует стихотворец, сродни «бешеной четверке лошадей» в стих. «Сон» и «четверке вятских лошадок» в куплетах на слова: «Никак нельзя — ну, так и быть», текст которых имеется в архиве Горчакова. Условные собственные имена в «Исповеди» не одиноки в лицейском творчестве Пушкина — Мевий встречается в стих. «К Жуковскому», Дамон — в названных уже куплетах. Наконец, отметим слово «подъячий», встречающееся в «Тени Баркова» и в «Городке» — («подъяческий народ»).

Всего этого, нам кажется, более чем достаточно, чтобы утверждать, что в «Исповеди стихотворца» мы имеем несомненное стихотворение Пушкина, написанное им, вероятно всего, в 1814 г.

9 марта 1930.

Н О В Ы Й

М И Р

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И**

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

К Н И Г А

Ч Е Т В Е Р Т А Я

А П Р Е Л Ь

М О С К В А

4 . 9 . 3 . 0